

Неюбилейные заметки

«КУКЛАМ ИЗМЕНЯТЬ НЕЛЬЗЯ...»

Журналисты, собравшиеся в этот июльский день в Театре кукол, были удивлены: юбилейных торжеств не будет... Ну не странно ли: maestro, одному из крупнейших деятелей не только нашего искусства, да и, пожалуй, мирового, исполнилось девяносто лет, — возраст патриарха, когда иные уже давно на заслуженном отдыхе или пишут мемуары, а он все еще активно работает да еще отшучивается: «Куклам изменять нельзя, это же не женщины!..»

Ему сейчас не до юбилей — ждут репетиции, восстанавливается спектакль «Чортова мельница» по пьесе Яна Дрды — к 60-летию его театра. Вот тогда, к октябрю — ноябрю, можно будет вспомнить и о собственном девяностолетии. Что ж, это желание мастера понятно: ведь Центральный театр кукол — не просто любимое детище, а его жизнь, выстроенный им мир и родной дом.

Поразительно: во все времена у всех народов профессия кукольника была самой «бродяжнической», самой бездомной, а Сергею Владимировичу Образцову удалось создать, казалось, бы, самое невероятное, что не удавалось до него никому, ни знаменитому чеху Йозефу Скупе, ни немцу Альбрехту Розеру, самым любимым им мастерам-кукольникам, — построить для них не просто театр, а чудо-дом, сказочную обитель искусства, где у кукол есть даже свой музей, а у актеров невиданные ранее условия для творческих поисков.

— Это очень интересно — сочинять театр, — признался однажды Сергей Владимирович. И добавил: — Вот уж сколько лет мы играем в нашем удивительном здании, но каждый вечер, засыпая, я думаю, что завтра наступит утро и я пойду в наш театр. И каждый вечер я думаю об этом как о завтрашнем счастье...

Счастье — когда твои мечты осуществляются. Счастье — когда ты знаешь, что жизнь живет не напрасно, что труд твой приносит радость людям. Счастье — делиться с ними своим счастьем.

Разве не такое чувство испытываем мы, оказываясь на образцовских спектаклях? Сначала детьми, когда смотрим «По щучьему велению» или «Лампу Аладина», затем, взрослыми — «Божественную комедию», «Новые ковчег», «Под шорох твоих ресниц», «И-го-го!», «Шлягер, шлягер, только шлягер...», наконец «Дон Жуан»... Не говорю о поразительном театральном должителе — «Необыкновенном концерте», поставленном впервые в 1946 году, выращенном не одно поколение замечательных артистов и ныне известном во всем мире!

— Я счастлив, — говорит Сергей Владимирович, — что сегодня, когда зрители не очень-то балуют театры своим вниманием, у нас — постоянный аншлаг. Все годы.

Чем же объясняет мастер такую популярность искусства театра кукол? И не только у нас. Вспомним, как совсем недавно, что называется, и стар, и млад просиживали вечера у телеэкрана, знакомясь с трехсерийной лентой «Мир кукольного театра», в которой рассказывалось об искусстве марионеток Альбрехта Розера из Германии.

— Первое, что несомненно, — кукольный театр почти во всех странах сейчас на подъеме, — утверждает Образцов. — Вопрос этот требует отдельного исследования, но думаю, что одной из причин является общественный интерес к иносказательным обобщениям. Зрелищное искусство в двадцатом веке переживает серьезные эволюции. Рождение кинематографа, а следом за ним телевидения утвердило в зрелищном искусстве фактицизм, настоящесть как средство наибольшей убедительности. Этот фактицизм проник и в театр. Исчезли, или почти исчезли, иллюзионистические декорации с писаными задниками, бутафория заменил реквизит. Частью исчезает и грим. Настоящий стул, настоящий стол, настоящий самовар, настоящие волосы (а не парик!), настоящее (бывает, что и обнаженное) тело.

Кукольный же театр — весь ненастоящий. Сама кукла уже потому, что она не человек, а его изображение, иносказательна. А ведь познавать действительность можно и нужно не только средствами показа настоящего, возможного, но и средствами иносказания, то есть предельного обобщения. И недаром в наши дни люди зачитываются «Маленьким принцем» Экзюпери и булгаковским «Мастером и Маргаритой». Думаю, что в этом нужно искать одну из причин современного расцвета театра кукол...

Всю свою жизнь Сергей Владимирович отстаивал именно эту, особую природу искусства кукольного театра, его право на иносказательность. Сколько же ему пришлось перетерпеть из-за этого! Сколько копий ломалось вокруг него! И сейчас об этом вспоминать грустно. Он тоже неохотно говорит о бывших свои оппонентах, а ведь среди них были такие выдающиеся мастера, как ленинградский профессор, народный артист РСФСР Михаил Королев...

Да, при всей внешней благополучности, росте признания, как зрительского, так и официального, у Образцова, право же, жизнь не была безоблачной и гладкой. Я не говорю о творческих муках — они свойственны даже гениям. Пожалуй, одним из первых, задолго до «застоя» и нынешней гласности, он заговорил и с

эстрады, и в авторских концертах, и в спектаклях-пародиях, сатирических обозрениях — вспомним хотя бы тот же «Необыкновенный концерт», «Чортову мельницу», «И-го-го!» или «Говорит и показывает ЦТК» — и о пошлости словоблудия, и о бездуховности, растлевающей человека, о чертовщине ловцов наивных душ, о раздвоении и «двойничестве», социальной мимикрии.

Но было и другое. Иногда от него уходили талантливые единомышленники. Он сердился, гневался на них. Но не знаю случая, чтобы когда-нибудь он кого-то преследовал «за измену», за жажду быть самостоятельным.

Были и другие потери, которые Сергей Владимирович переживал мужественно, иногда даже не показывая вида. Ведь рядом с ним трудились замечательные мастера-единомышленники, вырастали свои режиссеры — С. Самодур, А. Кусов, пьесу-мюзикл «Дон Жуан» принесли известный артист и мультипликатор Василий Ливанов вместе с Гарри Бардиным, автором знаменитых ныне «пластилинных» кукольных фильмов-короткометражек...

Но не могу я согласиться с сегодняшним высказыванием Образцова. «Вряд ли я могу считать их своими учениками», — это слова Образцова. Я же знаю немало кукольников в России, которые считают себя таковыми, кстати, даже не занимаясь непосредственно у него. Ведь театральные идеи, высказанные им, его спектакли были для многих заразительными, судьбоносными. Кстати, среди них я бы назвал и ученика М. Королева, ленинградского режиссера Виктора Сударушкина (это подтверждает и его постановка «взрослой» сказки В. Шукшина «До третьих петухов»), мастеров кукольной эстрады Игоря Дивова, Марту Цифринович (с ее знаменитой «лекторшей» Венерой Пустомельской), и, между прочим, еще и замечательного уральского художника кукол Виктора Жилева... Впрочем, список этот можно было бы продолжать без конца, и в нем оказалось бы немало имен зарубежных мастеров!..

Конечно, немалую роль в распространении идей обновляющегося нашего искусства театра кукол сыграла писательская деятельность Образцова: я бережно храню, например, его старое издание книги «Моя профессия» (зачитанное почти до дыр еще в детстве) и новое, богато иллюстрированное и значительно дополненное издание 1981 года, а кроме этого, — монографию о китайском театре, новаторское по духу, искусствоведческое, полные любви книжки для детей... И, естественно, надо вспомнить его взрывные, темпераментные фильмы, особенно — «Кому нужен этот Васяка?» И книги, и фильмы, учащие добру и воспитанию высокой нравственности.

Если перефразировать нынешние слова Образцова: он сам сочинил и выстроил свою биографию, и дело это оказалось настолько увлекательным (и увлекающим нас, зрителей, читателей), что его хватило бы ни на одну жизнь, полную творчества и самоотдачи.

При всей своей мягкости, интеллигентности и доброте, Сергей Владимирович, когда это касается искусства, бывает и резким, и нетерпимым, и категоричным, когда это касается беспринципности, безнравственности и пошлости — в жизни ли, в искусстве ли. Оппоненты любят его перетолковывать по-своему. Но вот что он сам говорит:

— Искусство — это одно из активнейших средств воздействия на человеческие эмоции. А эмоция не бывает нейтральной, — говорит Образцов. — Она может быть только либо на пользу, либо во вред. Сколько гадости растащили по миру похабные анекдоты. Сколько людям они отравили первые поцелуи и первую любовь. Сколько неисчислимого вреда принесли и приносят очень многие фильмы мировой кинематографии — пошлой, сентиментальной, порнографической, садистской. Да еще и каналы телевидения! На советском искусстве и покареченные детские души, и завербованные гангстеры.

Очень много зла принесло и приносит людям искусство, и потому так важно и так необходимо понять и ощутить, как грандиозно добро, которое оно несет людям...

Ю. ЧЕРЕПАНОВ.

21